

II. Страницы новейшей истории

Эйтан Финкельштейн

Еврей в русской памяти

Двухсотлетняя история евреев в России завершена. Завершена в том смысле, что евреи как весомое национальное меньшинство не будут впредь играть заметной роли в жизни этой страны, влиять на процесс ее политического и культурного развития, определять ее будущее. Фигурально говоря, еврей из России в сущности ушел. Еврейский же вопрос там остался, ибо еврей ушел из российской жизни, но не из российской памяти. Казус не нов, как не нов и вопрос: каким он остался и каким ему еще предстоит остаться в урочище русской памяти?

Велик соблазн ответить на этот вопрос однозначно: память о себе еврей оставил скверную. Соблазн этот навеян не только многочисленными легендами прошлого, но и свежими, незажившими еще ранами и, прежде всего, болезненным процессом переосмысления целой нацией - вчерашним советским народом - своей истории и необходимостью ответить на вопрос: кто же мы такие, русские, и что такое наше новое государство - Российская Федерация? Понятно, принцип «отрицание - лучший способ утверждения» дает самый быстрый и самый простой ответ. Так что евреи, наряду с «лицами кавказской национальности», балтийцами, украинцами и другими «братскими» народами еще долго останутся в русской памяти врагами. И только когда кризис самоидентификации завершится, а еврейский вопрос перестанет будоражить умы и беречь старые раны, только тогда россияне смогут беспристрастно оценить ту роль, какую сыграли евреи в их судьбе и в их истории.

Пытаясь разобраться в хитросплетениях русской памяти, не следует упускать из вида, что память эта отнюдь не одномерна, что отношение к евреям в России постоянно менялось, да и никогда не было единообразным: царский двор/советская верхушка видели его в одном свете, бюрократия – в другом, интеллигенция – в третьем, в столицах о евреях судили с одной колокольни, в провинции – с другой.

Начнем с Руси дохристианской. Широко распространено мнение, будто уже оттуда, из своей предистории, Русь вынесла враждебное отношение к евреям, о коих узнала, сталкивалась - чаще всего на поле боя - с Хазарским каганатом (*Die Völker des*

südlichen Russland, Leipzig 1848; Киевская Русь, т. I, 1895; Encyclopedia Britannica, s. V. Khasars). Мнение это отнюдь не бесспорно.

Верно, Русь сформировалась в Поле, ведя непрерывные войны с половцами, печенегами, хазарами и другими кочевыми народами. Враждебность по отношению к ним крепко засела в народной памяти. Но выделялись ли евреи из общего ряда недругов? Согласно легенде, князь Владимир Святославович (умер 1015), желая заменить языческие верования, бытовавшие на Руси, единой религией, будто бы пригласил на спор христианина, еврея и мусульманина. Каждый из них должен был доказать преимущества своей веры, причем, князь Владимир обещал выбрать ту религию, представитель которой выйдет победителем в споре. Трудно предположить, чтобы князь пригласил на судьбоносный спор представителя заведомо враждебного народа, с тем, чтобы осчастливить своих подданных его верой. Что еще важнее – как могла возникнуть и сохраниться в народной памяти легенда о том, что еврей, христианин и мусульманин конкурировали на равных, если бы в XI веке еврей представлялся россиянам существом куда более враждебным, нежели христианин и мусульманин! Вспомним и тот факт, что епископ новгородский времен князя Ярослава и один из первых православных проповедников на Руси звался Лука Жидята (умер 1059) и по некоторым сведениям происходил из евреев. Все это говорит о том, Киевская Русь враждебностью к евреям не отличалась. Представляется наиболее вероятным, что попытки приписать киевским русичам особую к ним неприязнь предпринимались задним числом спустя столетия.

В иных условиях формировалась Московская Русь. Московское княжество покорило и адаптировало коренные угро-финские народы, вышло победителем из междоусобных войн и длительного соперничества с монгольскими ордами, частью одолев их на поле боя, частью с ними слившись. Никаких евреев на этапе своего становления Московская Русь не встречала, а встретила их лишь тогда, когда из удельного княжества стала превращаться в централизованное государство. Устремившись во все стороны, Великое княжество Московское столкнулось с Польско-литовским государством на Западе и с Крымским ханством на юге. Любопытно, что уже тогда роль посредников Москвы с могущественными соседями играли евреи. Что касается южного соседа, то русские летописи упоминает о владельце Таманского полуострова Захарии де Гвизольфи и Хози Кокосе. К последнему Великий князь Иван III Васильевич (1440 – 1505) направил (1474 г.) своего посла Беклемищева просить о том, чтобы «грабежа над великого князя гостями в Кафе (Феодосии) не было», причем в случае успеха обещал Кокосу «жалование». Со своей стороны Захария де Гвизольфи по просьбе Ивана III ходатайствовал перед ханом Менгли-Гиреем о выдаче Великому князю Московскому «ярлыка». В 1484 году Гвизольфи был приглашен Иваном III на службу в Москву. Этот факт свидетельствует и о том, что евреи –

влиятельные и богатые – в Москву допускались наряду с прочими важными иностранцами. Увы, в народной памяти всего этого не сохранилось: негативный образ еврея, сложившийся в последующие времена, не позволял воспринимать его, как положительного героя ни в какие времена и ни в каком качестве.

Между тем, негативное отношение к евреям в России (юдофобия, антисемитизм) уходит корнями во времена Ивана III и связано с так называемой «ересью жидовствующих» (А. Никитинский, *Очерки внутренней истории церкви в Великом Новгороде*, Спб. 1878). Во всяком случае, первое упоминание о евреях в Московской Руси встречается в Софийской Новгородской летописи (1471) и связано с именем некоего Схарии, которого ряд исследователей отождествляют с Захарией Скаррой из Кафы. Этот Схария прибыл в Новгород из Киева в свите князя Михаила Олельковича, которого прислал в Новгород польский король. Согласно общепринятой в российской и советской историографии версии этот самый Схария «прельстил в жидовство» двух влиятельных новгородских священников и тем самым положил начало «ереси жидовствующих».

Ересь жидовствующих – одна из самых загадочных страниц русской истории. Известно, что возникшее во второй половине XV века в Новгороде религиозные реформаторское движение под таким названием, довольно быстро охватило церковные, затем - светские круги, перекочевало в Москву, широко там распространилось и даже проникло в царскую семью. По сути своей оно было сходно с движением реформации в Западной Европе, непосредственным толчком которой послужил перевод Библии Мартином Лютером (1538) на современный немецкий язык. Нет сомнения, что идеи западной реформации проникли в русские земли и привели к появлению здесь религиозных сект, отрицавших обрядовость и церковную иерархию. Несомненное влияние на русские умы оказывало и Восточное православие с центром в Афоне, где возникло движение гезихастов, предпочитавшего живой дух мертвой букве и обрядовости.

Влияние влиянием, но и на русской почве появилась собственная потребность в церковной и гражданской реформации. Московская Русь выходила из скорлупы удельного княжества на широкий мировой простор и буквально задыхалась в тесной келье застарелого догмата и костной иерархии. К тому же русские люди смогли ознакомиться с «первоисточником» - Ветхим Заветом – даже раньше, чем немцы: на церковнославянский язык Библия была переведена в 1498 году.

Самым спорным в несостоявшейся русской реформации остается вопрос о влиянии на нее евреев. «Энциклопедическая» версия, разделяемая большинством русских и русско-еврейских историков, полна противоречий и недоговоренностей. Читаем летопись: «Схария прельстил в жидовство новгородских священников, Алексея и Денисия. К ним присоединились прибывшие из Литвы Иосиф Шлойло Скаря-

вей и Моисей Хануш» (Т. Буткевич, Обзор пусских сект и их толков, Харьков 1910). Начнем с вопроса чисто технического. Евреи в Московской Руси появлялись в «штучных» экземплярах, на короткое время и исключительно по торговым делам. Каким образом они могли войти в контакт с церковными людьми, на каком языке они с ними говорили, да и насколько хватало у них, торговых людей, эрудиции, чтобы дебатировать с православными священниками и монахами? (О появлении на Руси раввинов, известных талмудистов или ученых не упоминают ни в русские, ни еврейские источники). По всей видимости, авторы общепринятой версии о происхождении ереси жидовствующих исходят из того, что всякий еврей – знаток древнееврейского языка и библейских текстов. Но это не соответствует реальности конца XV – начала XVI веков. Языками евреев Польши и Литвы были идиш либо польский. Духовная жизнь находилась в упадке, ученость и учение сосредоточились на Талмуде, в синагоге господствовало начетничество и догматизм. При этом Ветхий Завет не просто отошел на задний план, но даже считался чуть ли не табу. Так что представить себе, будто какой-то еврейский купец из Польши, оказавшийся по случаю в Новгороде, вступит в религиозную полемику с православными священниками, переведет для них библейские тексты и, в конце концов, совершит их в иудейство, чрезвычайно трудно. Не забудем к тому же, что в Польше и Литве существовало правило, согласно которому евреи не только не могли вступать в контакт с церковными людьми, но не имели права селиться ближе, чем за два квартала от церкви. Сами же евреи как огня боялись монахов и священнослужителей, приближение к храму вызывало у них ужас, посещение его приравнивалось к вероотступничеству. Да и в Московской Руси общение иностранцев с церковными людьми было строго запрещено, а обращение православных в иную веру каралось смертной казнью. И, наконец, главное. «Ересь жидовствующих» - секта христианская, значит, речь идет не о «сращении» в еврейскую веру, а о содействии евреев в создании новой православной церкви. Возможно ли такое? Думается - нет, тем более что и в Западной Европе евреи никогда не принимали участия в реформации. Правда, история донесла до нас сведения о загадочной секте «болгарских жидовствующих», которую создали евреи-отступники. Так может быть и в Новгороде, заезжие купцы-евреи отступили от своей веры и образовали некую иудо-христианскую секту, к которой присоединились священники и прочие русские люди?

Переход евреев в католичество в Польском государстве того времени не был явлением из ряда вон выходящим, тем более что короли и церковь такой переход приветствовали и вознаграждали: евреи, принявшие крещение, получали дворянство и всевозможные льготы. Но если у себя дома человек оставался верен религии отцов, трудно предположить, что, прибыв на короткое время в Московскую Русь, тот же

человек вступит в православную секту, объединившись с русскими священниками и монахами, чей язык он едва знает или не знает вовсе!

Так в чем же дело, почему и современники, и поздние историки церкви связывают возникновение русской реформации с еврейским влиянием и даже нарекли ее не иначе, как «ересь жидовствующих»? Ответить на этот вопрос можно, если искать «еврейский след» не на этапе возникновения ереси, а в период ее разгрома и шельмования.

Становление Московской Руси в качестве централизованного государства требовало подавления былых суверенов: удельных князей, могущественных бояр и, конечно же, - влиятельных церковных иерархов. Впрочем, с церковью дело обстояло сложнее. Выжигая огнем и мечом местные языческие верования, церковь сама играла важную роль в собирании русских земель и утверждении Москвы в качестве их центра. Тем не менее, московские владыки с большим подозрением относились к церковным иерархам, покушавшимся на прерогативы светской власти, и, не стесняясь, отбирали у монастырей земли, грабили церкви и убивали непокорных священников. Тем не менее, они понимали необходимость установления статус-кво с церковью во имя общих интересов. Борьба консервативных иерархов с ересью жидовствующих предоставила им такую возможность.

К концу XV-го века ересь жидовствующих приобрела такие масштабы (в секте состояла невестка Великого князя Елена, его дьякон Федор Курицин и даже митрополит Зосима), справиться с которыми своими силами церковники-ретрограды уже не могли. Оставалось прибегнуть к помощи Великого князя. Хронисты приписывают поражение реформаторов (1502 – 1504 гг.) ссоре Ивана III со своей невесткой Еленой, ее опалу и заточение вместе с наследником престола Дмитрием (тоже сектантом) в темницу (Бутевич, Обзор русских сект). Однако за этими событиями нетрудно разглядеть политическую логику. Поддержав терпящих поражение иерархов, Иван III не только получил в их лице сервильную церковь, но добился того самого консенсуса, когда церковники отказываются от вмешательства в дела светской власти, а светская власть со своей стороны защищает их от «внутренних» идеологических врагов.

Пройдут столетия, и этот консенсус ляжет в основу более широкой унии, - национальной идеи - которая получит название «самодержавие – православие – народность» и станет краеугольным камнем русской государственности, русской ментальности и всего, что связано со словом «русский». Трагическим - для евреев! - образом зарождение русской идеи оказалось связанным с противоборством никому в то время неведомому еврею. Вечным спутником-антагонистом русской идеи станет треугольник: «жид, поляк и студент». «Студент» - всякий, кто отрицает народность и утверждает свободу личности. «Поляк» - тот, кто хочет навязать России идеоло-

гию, отличную от официальной. «Жид» - универсальный враг на все времена и на все случаи жизни.

Все это будет много позже, а пока что весь XVI и две третьих XVII веков Московское государство практически не знало евреев. Отдельные просьбы временно допустить евреев-купцов для торговли в российские города в Кремле отвергали, тех немногих евреев, кому удавалось проникнуть в русские земли, силой выдворяли. Особый норв в этом деле проявила императрица Анна Иоанновна (1693 – 1740) и ее наследница Елизавета Петровна (1709 – 1761), которая кроме дурного правления прославилась своей резолюцией на просьбу Сената разрешить евреям временное пребывание в Риге: «От врагов Христовых не желаю интересной прибыли» (А. Buchholtz, *Geschichte der Juden in Riga*, 1899)). Слова эти стали крылатыми и прочно осели в русской памяти. Любопытно, что и Петр I (1672 – 1725), без счета принимавший иностранцев на государственную службу, отношения к евреям не изменил. Копируя голландские методы строительства кораблей и литья пушек, Петр и не помышлял внедрить в России голландскую модель веротерпимости. От того, наверное, и в петровской Руси места евреям не нашлось.

Чудо произошло в 1772 году, когда в результате Первого раздела Польши Белоруссия стала провинцией России, а «враги христовой веры» - подданными русской короны. Дальнейшие разделы Польши, а так же присоединение Крыма и Кавказа увеличили численность еврейского населения империи до 300 – 500 тысяч человек. Произошло это в царствование Екатерины II (1729 – 1796). Прагматичная немка с одной стороны сохранила тот внутренний (кагальный) уклад еврейской жизни, который существовал у них в Польше, с другой – предоставила им статус средних российских сословий: городских мещан и купцов. Это противоречие: евреи, как самостоятельное сословие и евреи, как часть российских сословий, породило полувековой правительственно-бюрократический зуд по «устройству» и «переустройству» еврейского быта. В общем и целом общественность в великорусских городах и губерниях едва знала, кто стал ее соотечественником, а у тех, кто об этом знал, и в первую очередь в петербургских правительственных кругах, мнение о новых подданных сложилось вполне определенное. Лучше других сформулировал его известный поэт и крупный сановник Г. Р. Державин (1743 – 1816) в своем трактате «Мнение сенатора Державина об отвращении в Белоруссии недостатка хлебного путем обуздания корыстных промыслов евреев, об их преобразовании и о прочем» (Г. Державин, *Мнение сенатора Державина об отвращении в Белоруссии недостатка хлебного путем обуздания корыстных промыслов евреев, об их преобразовании и о прочем*, Спб. 1876). Ярый крепостник и сторонник «мер исправления» Державин не только обвинил евреев, в «общем, противу христиан злодействе», но и обрисовал их, как некое полудикое племя, которое занимается вредным промыслом (винокуре-

нием) и спаивает местное крестьянство. Отныне и почти на полстолетия евреи представлялись русской общественности не только как народ вредный, паразитический, но и как отсталый, почти нецивилизованный. Этим – отсталостью - мотивировались все еврейские ограничения, этим объясняется и тот факт, что в течение первой половины XIX века все законы о евреях, в том числе и первый из них - «Положение об евреях» от 1804 года - сводились к тому, чтобы «исправить» новых соотечественников, заставить их перейти на русский язык, отправлять своих детей в русскую школу, носить общепринятую одежду и так далее. По мере же вхождения в русскую жизнь и приобщения к производительному труду, законы эти обещали евреям различные блага, вплоть до уравнивания в правах с прочими подданными империи. От этого периода в русской литературе и народной памяти сохранился не самый привлекательный образ еврея-корчмаря, содержателя кабака или почтовой станции.

Удивительный факт состоит в том, что во время Отечественной войны 1812 года новые подданные империи поддержали не Наполеона, а императора Александра I (1777 – 1825). История зафиксировала многочисленные случаи, когда евреи, коренные жители тех мест, где проходили главные сражения, помогали русским войскам и русским партизанам продовольствием, прятали заблудших солдат и офицеров, шпионили в пользу русской армии. Зафиксированы и случаи расправ с ними со стороны французов и, главным образом, польских легионеров наполеоновской армии. Император Александр I, узнав о подвигах новых своих подданных, публично обещал после войны уравнивать их в правах с прочим населением. Увы, история войны с Наполеоном была вскоре переписана: отнюдь не самый важный эпизод войны – проигранная битва на Бородинском поле – стал главным ее событием. Архитектора победы – Баркляя де Толли заменили престарелым маршалом Кутузовым, а уж еврейским подвигам в войне 1812 года места в русской памяти и вовсе не нашлось.

Николая I (1796 – 1855) превратил Россию в государство-казарму, при этом больше всех досталось от императора-держиморды его еврейским подданным. Николая I решил реализовать старую идею «приобщения», пропустив евреев через воинский строй и казарму. В 1827 году он подписал Особый воинский устав исключительно для евреев, которые до того воинской повинности не отбывали (М. Усов, Евреи в армии, Спб. Разум, 1911). Отныне евреи должны были служить в армии наравне со всеми 25 лет, но призывались не с 21 года, как прочие, а с 18, причем никаких исключений для единственных сыновей, отцов-кормильцев и так далее в Особом уставе не предусматривалось. Более того, еврейские дети с 12 летнего возраста (или раньше) насильно отбирались у родителей и отдавались в школы кантонистов. Проходить службу еврейские кантонисты и солдаты должны были исключительно в Сибири, где они подвергались издевательствам и насильственному крещению. Впрочем, многие из них гибли уже в дороге к месту службы.

В русской памяти трагедия еврейской солдатчины не растворилась в общем ужасе эпохи.

«Кого и куда вы ведете?»

- Видите, набрали ораву проклятых жиденят с восьми-девятилетнего возраста. Во флот, что ли, набирают - не знаю. Сначала было велели гнать в Пермь, да вышла перемена, гоним в Казань. Я их принял верст за сто; офицер, что сдавал, говорил: "Беда, да и только, треть осталась на дороге" (и офицер показал пальцем в землю). Половина не дойдет до назначения, - прибавил он.

.....

Привели малюток и построили в правильный фронт; это было одно из самых ужасных зрелищ, которые я видел, - бедные, бедные дети! Мальчики двенадцати, тринадцати лет еще как-то держались, но малютки восьми, десяти лет... Ни одна черная кисть не возьмет такого ужаса на холст.

Бледные, изнуренные, с испуганным видом, стояли они в неловких толстых солдатских шинелях с стоячим воротником, обращая какой-то беспомощный, жалостный взгляд на гарнизонных солдат, грубо ровнявших их; белые губы, синие круги под глазами показывали лихорадку или озноб. И эти больные дети без ухода, без ласки, обдуваемые ветром, который беспрепятственно дует с Ледовитого моря, шли в могилу».

Этот эпизод, описанный Александром Герценом в романе «Былое и думы», случился в 1835 году в безымянной деревушке, что в сутках езды от города Пермь. Впрочем, если в либеральных кругах еврейская трагедия вызвала сочувствие, простые люди в городах и деревнях внутренней России, относились к «нехристям» враждебно. Мнение о них в народе сложилось, как об убогих, слабосильных и глубоко чужеродных россиянам людям.

Между тем, Николая I избиением еврейских младенцев не ограничился. Возникшее было в 1823 году «Велижское дело» по обвинению евреев в ритуальном убийстве христианского мальчика, а затем закрытое за отсутствием улик, было в 1826 году возобновлено по указанию из Петербурга и продлилось до 1835 года. И хотя, в конце концов, Николай I вынужден был утвердить оправдательный вердикт, в русской памяти средневековый ритуальный процесс, длившийся девять лет, остался доказательством еврейского изуверства, употребления ими крови христианских младенцев в ритуальных целях.

«Великие реформы» Александра II (1818 – 1881) не ликвидировали черту оседлости и не принесли евреям гражданского равноправия. Тем не менее, отмена еврейской рекрутчины, разрешение жить вне черты оседлости, которое получили из-

бранные - николаевские солдаты, отслужившие полный срок, купцы первой и второй гильдии и лица с высшим образованием и ряд других послаблений вызвали в еврейской среде прилив энтузиазма. Значительная часть еврейского сообщества выразила желание перейти на русский язык, освоить навыки российской жизни и каким-то образом влиться в российское общество.

Поворот настроений в еврейской среде изменил отношение к ним русского общества. Однако не в положительную сторону. Теперь уже евреев стали подвергать остракизму не за «темноту и отсталость», но за «стремление захватить» русскую школу, русский университет, русскую адвокатуру, русский театр, русскую печать, русскую литературу и все остальное. Ограничительные законы следовали один за другим, в русский обиход и в русскую память вошло понятие «процентная норма» - количество евреев, которые принимались в русские гимназии и университеты. При этом большинство столичных высших учебных заведений вообще были закрыты для евреев. Как закрыты для них были государственная и муниципальная служба, владение землей, проживание в сельской местности, суд, адвокатура, профессии учителей и преподавателей университетов, дворянские и офицерские звания и многое, многое другое. Царская власть, бессильная и неэффективная во всех сферах управления государством, проявляла неслыханную энергию и совершенно нетипичную изобретательность, возводя все новые и новые барьеры на пути евреев в русское общество. Примером тому можно считать судьбу штабс-капитана Герцеля Цама. Будучи в восьмилетнем возрасте отдан в солдаты, он прошел суровую школу кантонистов, но благодаря твердому характеру сумел противостоять попыткам его крестить. В то же время он хорошо освоил службу и дослужился до звания унтер-офицера. В 1874 году, воспользовавшись новым Воинским уставом, Г. Цам сдал экзамен на звание «военный чиновник», которое приравнивалось к офицерскому, но не имело обычной приписки: «исключение для евреев». Власти растерялись и заявили, что решение вопроса зависит от общества офицеров. Каково же было удивление в Петербурге, когда офицерское собрание Томского полка проголосовало за прием Цама в свои ряды! После этого случая, положение о военных чиновниках было «исправлено», а Г. Цам так и остался единственным евреем-офицером в российской армии вплоть до марта 1917 года.

Знала Россия и единственного еврея-дворянина. Им был Гораций Гинзбург, гессенский баронский титул которого император Александр II признал действительным в пределах России. Однако собственно русское дворянство не удалось получить ни одному еврею.

Экономический бум времен Александра III (1845 – 1894) привел к появлению заметной группы толстосумов-олигархов из разночинцев, в том числе и из евреев. В русской памяти остались имена сахарного барона Бродского, чайного короля Вы-

соцкого, железнодорожных магнатов братьев Поляковых. Чего в ней не осталось, так это того, что все они, особенно банкирский дом Гинзбурга, щедро жертвовали на благотворительность, на развитие русского искусства и науки. Не осталось благодаря неустанным усилиям царской власти вымарывать из памяти российского общества еврейские имена основателей русских социальных, культурных и научных институтов.

Попытки императора Николая II (1868 – 1918) сохранить самодержавную власть и средневековой социальной уклад России вылились в две большие внешние войны (с Японией и Германией) и в одну непрерывную войну с собственным народом. Агония царизма оказалась тяжким испытанием для всего населения империи, жизнь же еврейских подданных она превратила в сплошной кошмар. Постоянное ограничение прав на образование, на профессии, на перемещение по стране сменялись полицейскими облавами, выселениями и, наконец, погромами – организованными убийствами и избиениями еврейского населения. Погромы, где и когда бы они не случались, чаще всего происходили по одному сценарию и почти всегда либо по прямому указанию из Петербурга, либо с его ведома и согласия. Так, московский погром и массовое выселение 1891 года были организованы по приказу генерал-губернатора Великого князя Сергея Александровича. Инициатором зверского погрома в Кишиневе в 1903 года был министр внутренних дел Плеве, «куратором» дела Бейлиса - его приемник Щегловитов. При этом официальный Петербург всегда утверждал, что погромы - результат стихийной реакции населения на «еврейскую эксплуатацию» и «еврейское засилье». Однако либеральные интеллигенты, в частности, Лев Толстой, Владимир Короленко и другие открыто обвинили в организации погромов правительство в Петербурге. Русское слово «погром», одно из немногих, вошедших в мировой лексикон, стало синонимом гонений (не обязательно на евреев). В русской же памяти оно осталось в ином значении – как стихийная реакция православных масс на «засилье» и «эксплуатацию» евреев.

Хотя причиной широкого недовольства российского населения была политика правительства и личность самого императора Николая II, царский двор постоянно утверждал, что источниками русской смуты является «агитация» революционеров, влияние Запада, но, прежде всего - евреи, которые поголовно были приписаны к «врагам царя и отечества». Постоянные обвинения в адрес евреев со стороны двора, правительства, Думы, поддержанные церковью, печатью, консервативной частью общества сделали свое дело. «Факт» массового участия евреев в революционном движении глубоко укоренился в русской памяти, свержение царизма осталось в ней как исключительно еврейское дело. Между тем, «исконная революционность» евреев и их «массовое участие в свержении царского режима» не более чем миф.

По подсчетам историков с 1881 по 1914 год во всех революционных партиях от народников до большевиков состояло от двух до трех тысяч евреев. (Массовая еврейская рабочая партия «Бунд» не в счет, так как она носила тред-юнионистский характер, не ставила своей задачей свержение существующей власти). Если же соотнести число евреев-революционеров с численностью еврейского населения империи, - шесть миллионов человек! - то следует признать, что евреи в русском революционном движении были представлены весьма скромно. Массовым явлением среди российского еврейства была эмиграция. В тот же период времени, начиная с погрома 1881 года и до войны 1914 года, из Российской империи эмигрировало два миллиона евреев. Два миллиона эмигрантов против двух-трех тысяч революционеров! Аберрация русской памяти сработала таким образом, что массовый исход евреев из России на рубеже XIX – XX веков она не заметила.

Между тем в последней четверти XIX века в еврейской среде возникло и среднее течение, далекое как от эмиграции, так и от революционного экстремизма. Связанно оно с усвоением русского языка и навыков российской жизни значительной частью еврейского населения, прежде всего жителями больших городов черты оседлости (Одесса, Вильна, Киев и другие). Эти люди - чаще всего из числа интеллигенции и молодежи - начинают осознавать себя в качестве русских евреев, некой новой общности, претендующей на то, чтобы занять место в русском обществе, оставаясь при этом евреями. Появляются русско-еврейские общественные организации, школа с преимущественным преподаванием на русском языке, русскоязычные периодические издания, зачатки русско-еврейской литературы. Наиболее горячие сторонники национально-культурной автономии говорят даже о том, чтобы вести русский язык в синагоге. Короче, началось формирование шестимиллионного Русско-еврейского центра диаспоры, который предлагал иной, отличный от западноевропейского, путь решения еврейского вопроса. Большевицкая революция положила конец этому необычному эксперименту, в русской памяти он не остался. Осталось в ней другое.

К концу XIX века из той части российского еврейства, которая в значительной степени отошла от традиционного уклада и вошла в соприкосновение с русской средой выделяются люди, – их пока что единицы – которым благодаря незаурядному таланту, неукротимой энергии и удачному стечению обстоятельств удается пробить все барьеры и получить признание русской общественности. Правда, чаще всего входным билетом в русское общество служило крещение (выдающиеся музыканты братья Антон и Николай Рубинштейны), но в русской памяти остались имена скульптора Марка Антокольского (1839 – 1923) и художника Исаака Левитана (1861 – 1900).

Число такой молодежи – одаренной, энергичной и амбициозной - особенно возросло в начале XX. «Путь наверх» был для них весьма типичным. Русское среднее

образование (часто – домашнее) неудачные попытки получить высшее образование в России, отъезд за границу, образование во Франции, Германии, США или Швейцарии, где эти люди чаще всего и оседали, пополняя местные культурные и научные элиты. Хаим Сютин, Мане Кац, Жак Липшиц, Леон Бакст, Марк Шагал стали знаковыми фигурами во Франции. Сергей Кусевицкий, Яша Хейфиц, Ефим Цимбалист, Владимир Горовец – в США. Перечислять имена этих «блуждающих звезд» можно бесконечно, следует, однако, заметить, что среди них были те, кто все же возвращался в Россию и даже добивался здесь признания. К числу последних принадлежит художник Леонид Пастернак, физик Абрам Йоффе, биолог Лина Штерн и другие.

Первая мировая война нарушила традиционный строй жизни в России и привела в революцию не только миллионы крестьян, переодетых в солдатскую форму, но и десятки тысяч евреев. Правда, войну евреи встретили патриотическим возбуждением, уверенные в том, что самоотверженное участие в ней принесет им долгожданное равноправие. (Всего в первую мировую войну на стороне России сражалось 200 тысяч еврейских солдат). Ничуть не бывало! Как только с фронтов пошли плохие новости, евреев тут же объявили «виновниками поражений русской армии», а ее главнокомандующий, Великий князь Николай Николаевич, распорядился выселить сотни тысяч евреев из зоны военных действий, то есть из черты оседлости во внутренние губернии России, доступ в которые им еще вчера был строго заказан. Стоит ли удивляться, что погром, учиненный действующей русской армией по приказу ее главнокомандующего, привел в революционное движение немало еврейских юношей, вырванных из родной среды, религии, родного языка и оказавшихся как бы между небом и землей.

Свержение царизма - Февральскую революцию – приветствовали все слои еврейского населения, хотя участия в ней не принимали. Не принимали они участие и в Октябрьской революции. Не принимали хотя бы потому, что революции, как таковой, не было. Был государственный переворот, спланированный группой заговорщиков. Ни евреи, ни русские, ни рабочие, ни крестьяне, никто, кроме самих заговорщиков отношение к нему не имел. Тот факт, что небольшую группу профессиональных революционеров возглавлял еврей Лев Троцкий (1879 – 1940), ни о чем не говорит. Тем не менее, образ еврея-большевика, «свергнувшего батюшку царя», навсегда запечатлелся в русской памяти. При этом было бы неверным утверждать, что причина тому - яркая личность Л. Троцкого.

После большевистского переворота в России началась Гражданская война. Она то и расставила точки над «і». Все армии, объединенные в так называемом Белом движении, проявили себя с самой худшей стороны. Террор, бессудные расправы, грабежи, издевательства над гражданским населением – вот что было типично для «белых» армий. Но самым типичным, неотъемлемым атрибутом Белого движения

были безудержный антисемитизм и еврейские погромы. Погромы Гражданской войны унесли как минимум более ста тысяч, по некоторым источникам 300 тысяч еврейских жизней, а политика Белого движения не оставила евреям выбора: они могли быть только с красными! Однако участие евреев в Красной армии, в том числе и на командных должностях, вовсе не означало, что все они разделяют идеи большевиков. Евреи поддержали ту единственную силу, которая боролась с погромщиками и обещала равенство всем народам России. Тем не менее, этот факт добавил следующее звено в цепочке русской памяти: «Еврей – революционер, потом – красный командир, потом...».

Третье звено появилось в первое послевоенное десятилетие.

Гражданская война и красный террор привели к полному исчезновению аристократии, крупного чиновничества, высшего офицерства. Сильно пострадало дворянство и купечество, служилое чиновничество, университетская профессура и так далее. Кем же правительство Ленина могло заполнить миллионы открывшихся вакансий? Конечно же, не безграмотными рабочими и крестьянами. Оставались представители нацменьшинств: поляки, латыши, литовцы, эстонцы, кавказцы. Но в первую очередь – евреи, как элемент, наиболее продвинутый и вписанный в русскую жизнь. Не приходится удивляться, что евреи из средних и низших социальных слоев буквально ринулись в исконно закрытые для них сферы: на государственную, военную и дипломатическую службу (в том числе и в органы ВЧК), на крупные промышленные предприятия, в университеты, консерватории, академии и так далее. В этой массе людей выделялись две группы. Одна – революционные фанатики и преступные элементы, вроде председателя ОГПУ Ягоды или его зама Арганова. На другом полюсе – люди выдающиеся, внесшие огромный вклад в развитие отечественной науки, культуры, промышленности. Уже не выдающиеся одиночки, типа И. Левитана или М. Антокольского, но тысячи, десятки тысяч ученых, музыкантов, актеров, кинорежиссеров, композиторов, писателей, политических и военных руководителей всех звеньев и всех уровней выходят на арену русской (советской) жизни. Среди них два выдающихся поэта, – Осип Мандельштам и Борис Пастернак – имена которых невозможно выбросить из русской памяти. Тем не менее, в общем и целом послереволюционный период – «золотой век русского еврейства» – оставил в русской памяти образ еврея-«красного наркома», который стал третьим звеном в цепочке «революционер-большевик – комиссар Красной армии – красный нарком».

Целью контрреволюции И. Сталина (1879 – 1953) было превращение революционной республики в восточную деспотию. С самого начала сталинизм вылился в уничтожение «нового класса»: революционной гвардии, ветеранов Гражданской войны, всех тех, на чьи плечи легли тяготы восстановления народного хозяйства. В числе уничтоженных оказалось значительное число евреев, находившихся в высших

эшелонов власти. Но и время тех, кто занимал ниши среднего звена, подходило к концу. Лозунг «пролетарского интернационализма» утратил смысл: Сталину нужны были не интернационалисты, а верные псы. «Чистки» 20-ых и 30-ых годов, а также Большой террор 1937 – 1938 годов положили конец «золотому веку» той части российских евреев, которая сумела воспользоваться плодами революции.

Поражения Красной армии на начальном этапе Великой отечественной войны (1941 – 1945) были катастрофическими. И дело не только в том, что за считанные месяцы гитлеровские войска дошли до Москвы. Страшнее было другое: советский солдат не хотел воевать «за родину и за Сталина». За шесть первых месяцев войны, пока намерения Гитлера в отношении оккупированных территорий и их жителей были не ясны, в плен сдались 3,8 миллиона солдат и командиров Красной армии. Через армию генерала Власова и другие прогитлеровские воинские формирования из пленных русских солдат и офицеров за все годы войны прошли сотни тысяч человек. Еще 600 тысяч добровольцев-перебежчиков сражались непосредственно под командованием Вермахта. Казаки и эстонцы, калмыки и латыши, кавказцы и украинцы, литовцы с радостью переходили на сторону врага. Кого среди перебежчиков не было, так это евреев. Сталина, однако, факты интересовали в последнюю очередь. Он, виновник поражений Красной армии, лихорадочно искал козла отпущения за свои грехи. Этим козлом отпущения стали... евреи. По личному указанию Сталина был сфабрикован и широко внедрен в общественное сознание миф о еврейской трусости, еврейском предательстве, нежелании евреев воевать и так далее. Все это как будто противоречило здравому смыслу, тем не менее, легло на благоприятную почву. Ведь правда о массовой сдаче красноармейцев в плен, об армии генерала Власова тщательным образом скрывалась, а между тем в далеких российских городах появились еврейские беженцы из Польши, Литвы, Молдавии. Они не имели советского гражданства, с трудом объяснялись по-русски и производили на местных жителей не самое лучшее впечатление. Конечно, Сталин знал, что в рядах Советской армии сражается более полумиллиона евреев (20% еврейского населения страны), что 200 тысяч из них пали в боях с гитлеровской армией. Тем не менее, он отнюдь не поспешил дать отбой антисемитской агитации даже после того, как после того, как в войне наступил перелом. Напротив, начиная с 1943 года, появляются секретные распоряжения об отстранении евреев от командных должностей, об уменьшении числа еврейских фамилий, представленных к наградам и так далее.

Почему, с какой целью?

Опыт Гитлера и свой собственный опыт первых лет войны убедил Сталина в том, что массами движет не интернационализм, а национализм. На него-то, на русский национализм, Сталин и сделал ставку. Запалом должен был послужить антисемитизм, конкретно - миф о том, что «евреи не воевали вместе со всем народом, а отси-

живались в Ташкенте». Парадокс состоит в том, что миф о еврейской трусости и уклонении от участия в войне прочно укоренился в русской памяти, в то время как сам Сталин, отличавшийся патологической трусостью и полной некомпетентностью как военачальник, остался там, в русской памяти, в качестве выдающегося полководца, организатора победы в Великой отечественной войне.

Следующим этапом сталинских гонений стало обвинение евреев в космополитизме (1949), в попытке под видом общечеловеческих ценностей внедрить в сознание советских людей «превосходство капитализма над социализмом и главенствующую роль США на мировой арене». Началась окончательная зачистка от евреев государственного и партийного аппарата, армии, органов НКВД. Но не успело в русском сознании укрепиться слово «космополитизм», как Сталин обвинил евреев в национализме, в намерении отторгнуть от Советского Союза остров Крым и создать там еврейское государство под покровительством США. Обвинение это вылилось в громкий «Процесс Еврейского Антифашистского Комитета» (1948 – 1952), который стоил жизни ведущим деятелям еврейской культуры, массовым изгнанием евреев из культурных и научных учреждений, из школ, университетов и так далее. И опять таки, не успело русское сознание осмыслить слова «еврейский национализм», как последовало новое обвинение: еврейские врачи обвинялись в намерении отравить ведущих деятелей партии и государства. Обвинение это вылилось в «Дело врачей» (1953), которое сопровождалось массовым изгнанием евреев из медицинских учреждений, бойкотом еврейских врачей и так далее. В связи со смертью Сталина дело врачей было прекращено, но антисемитская пропаганда под лозунгом «убийцы в белых халатах» сделала свое дело: глубоко в русской памяти засел образ еврейского врача, который сознательно прописывает русскому человеку неправильное лечение, а то и просто дает отраву!

Приемник Сталина, Никита Хрущев (1894 – 1971), отказался от наиболее свирепых методов правления своего предшественника, но не от антисемитизма. Сталинские запреты на участие евреев в высшем и среднем руководящем звене государства, армии, дипслужбы, промышленности, науке и так далее строго соблюдались, расширялись и углублялись. Впрочем, Хрущев не только продолжил дело Сталина, но и внес в него свою лепту. В 1959 – 1960 годах он начал кампанию «борьбы с экономическими преступлениями». По всей стране начались аресты подпольных предпринимателей, в течение нескольких лет страницы газет пестрели статьями об экономически преступлениях, причем в числе лиц, приговоренных к расстрелу за подобную деятельность, подавляющее большинство составляли евреи. Герои бесчисленных фельетонов на тему экономической преступности носили типично еврейские имена и фамилии. А ведь евреи составляли один процент населения страны! Если у западных либералов не было сомнения, что борьба Хрущева с экономически-

ми преступлениями – не более чем новая форма антисемитизма, то в русской памяти от того периода остались имена расстрелянных евреев-«валютчиков» Файбушенко и Рокотова и общая неприязнь к «еврейским махинаторам и стяжателям».

Наследник Хрущева, Л. Брежнев (1906 – 1982) отнюдь не поспешил отказаться от антисемитизма, который в годы его правления принял форму антисионизма. Пытаясь подорвать влияние Запада в Третьем мире, Брежнев и Ко. сделали ставку на «прогрессивные», то есть просоветские арабские режимы. Хотя национальная экономика уже хромала на обе ноги, а СССР превратился в «страну всеобщего дефицита», арабские союзники Кремля не знали ни в чем отказа, военная и экономическая помощь им исчислялась десятками миллиардов долларов. Но в июне 1967 году арабские армии, оснащенные советским оружием, подготовленные советскими инструкторами и руководимые советскими военными советниками потерпели сокрушительное поражение. Влияние США в мире усилилось, репутация СССР оказалась подорванной. Виновниками всех бед кремлевские вожди объявили «сионистов», ненависть к которым в Кремле зашкалила за все пределы. Началась неслыханная по накалу пропагандистская антисионистская компания. Увы, она запечатлелась в русской памяти совсем не так, как бы того хотелось ее организаторам. Во-первых, военная победа «евреев над арабами» реабилитировала в русском сознании образ еврея-труса. Во-вторых, русскому человеку, с презрением относившемуся к «зажравшимся» вождям, в равной степени были ненавистны и ее клиенты – «арабские нахлебники». Поражение последних русские люди восприняли с нескрываемым злорадством, а к их победителям отнеслись с уважением. Так они и вошли в русскую память. С определенным пониманием и сочувствием отнеслись россияне и к еврейскому движению за эмиграцию (70 – 80 годы) и к их активному участию в диссидентском движении (60 – 80 годы). Рядовой человек уважал тех, кто находил в себе мужество действовать вопреки воле властей.

Крах советской системы и развал Советского Союза в русской исторической памяти связан с именем Михаила Горбачева. Евреи там не присутствуют. Думается, что в ней останется и массовый исход евреев из России - около миллиона человек в течение 1989 – 2000 годов. Последующее десятилетие, связанное с обвалом социалистической экономики и начальной капитализацией, вошло в русскую память, как стихийное бедствие, виновником которого считается президент Б. Ельцин. Но не только он. Остались в русской памяти и имена кремлевских плутократов и олигархов, «наживших на народном горе неслыханные капиталы». Слова «Березовский», «Гусинский», «Ходорковский», «Р. Абрамович» запечатлелись в русской памяти как главные расхитители национальных богатств России.

Еврейская история в России завершилась. Факт этот не остался незамеченным. Не успел последний еврей, фигурально говоря, хлопнуть дверью, как на свет появ-

вился объемистый труд Александра Солженицина «Двести лет вместе» (А. Солженицын, Двести лет вместе, М. 2001)). Солженицин, одна из самых ярких фигур русской истории XX века, увидел в исходе евреев из России некий Божий промысел. Увидел и попытался его осмыслить. Осмыслить не удалось. Удалось лишь составить перечень мифов и легенд о евреях, которые сохранила русская народная память. Главная причина неудачи писателя ясна: еврей из России ушел, но еврейский вопрос еще не стал там историей. И лишь когда за его изучение возьмутся историки-профессионалы, владеющие научной методологией, умеющие работать с первоисточниками и не стремящиеся выносить «исторические» приговоры, тогда, возможно, представления о евреях приобретут в русской памяти иную окраску.